

УДК 811.161 2

ЛИНГВОФИЛОСОВСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ

© Р. Р. Галиева*, Ф. Г. Фаткуллина

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Тел./факс: +7 (347) 273 67 78.
E-mail: rifovna1981@mail.ru

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Тел./факс: +7 (347) 273 67 78.

Статья посвящена описанию феномена деструктивности в социальном, психологическом, гносеологическом, этическом и языковом аспектах. Основное внимание уделяется рассмотрению категории деструктивности в соответствии с законами термодинамики. Подробно изложены лингвистические способы выражения концепта «деструктивность».

Ключевые слова: феномен деструктивности, русский язык, энтропия, система, концепт, глагол, семантическое поле.

Феномен деструктивности достаточно сложен и объемён, соответственно, рассмотрение его в лингвофилософском аспекте требует совокупности разноуровневых подходов.

На макроуровне, в общефизическом плане наиболее общим ракурсом рассмотрения феномена деструктивности является аспект термодинамики. «Современная энциклопедия» даёт следующее определение этому разделу физики: «Это наука о наиболее общих свойствах макроскопических систем, находящихся в состоянии термодинамического равновесия, а также о процессах перехода между этими состояниями. В основе термодинамики лежат фундаментальные принципы (так называемые начала), описывающие поведение энергии и энтропии при любых возможных процессах в системе» [1]. Всего существует четыре аксиомы, начала термодинамики.

Нулевым (или общим) началом термодинамики иногда называют принцип, согласно которому замкнутая система независимо от начального состояния в конце концов приходит к состоянию термодинамического равновесия и самостоятельно выйти из него не может.

Первое начало термодинамики представляет собой закон сохранения энергии в применении к термодинамическим системам.

Второе начало термодинамики накладывает ограничения на направление термодинамических процессов, запрещая самопроизвольную передачу тепла от более холодных тел к более горячим. Также формулируется как закон возрастания энтропии.

Третье начало термодинамики говорит о том, как энтропия ведёт себя вблизи абсолютного нуля температур.

Для осмысления феномена деструктивности важным является второе начало, закон возрастания энтропии в закрытой системе. Существует несколько определений этого закона термодинамики. Во-первых, постулат Рудольфа Клаузиуса: «Невозможен процесс, единственным результатом которого являлась бы передача тепла от более холодного

тела к более горячему», во-вторых, постулат Томсона: «Невозможен круговой процесс, единственным результатом которого было бы производство работы за счёт охлаждения теплового резервуара». Из этих постулатов делается вывод о том, что «что все реальные процессы, происходящие в материальном мире в открытых системах, необратимы» [2]. В современной науке второе начало термодинамики изолированных систем формулируется единым и самым общим образом как закон возрастания особой функции состояния системы, которую Р. Клаузиус назвал энтропией. Энтропия (от греч. *ἐντροπία* – поворот, превращение) – понятие, впервые введенное в термодинамике для определения меры необратимого рассеивания энергии. Термин широко применяется и в других областях знания: в статистической физике как мера вероятности осуществления какого-либо макроскопического состояния; в теории информации как мера неопределённости какого-либо опыта (испытания), который может иметь разные исходы, в исторической науке, для экспликации феномена альтернативности истории (инвариантности и вариативности исторического процесса). Если под деструкцией понимать нарушение структуры системы, переход от более организованной системы к менее организованной, то в явлении энтропии важным представляется следующее.

Р. Клаузиус сформулировал наиболее драматическое видение роли энтропии во вселенной. По Клаузиусу, с одной стороны энергия мира постоянна, с другой стороны энтропия мира стремится к максимуму. Из этой формулировки следует, что в конце эволюционного процесса Вселенная должна прийти в состояние термодинамического равновесия (в состоянии тепловой смерти), которому соответствует полная дезорганизация системы, или в конце концов во Вселенной закончатся все макроскопические процессы. Правда, современные исследователи в области термодинамики утверждают, что «представление о тепловой смерти Вселенной, вытекающее из формулировки второго начала,

* автор, ответственный за переписку

предложенной Клаузиусом, – пример неправомерного перенесения законов термодинамики в область, где она уже не работает» [3]. Больцман высказал мнение, что нынешнее состояние Вселенной – это гигантская флуктуация, из чего следует, что большую часть времени Вселенная все равно пребывает в состоянии термодинамического равновесия («тепловой смерти»). По мнению Ландау, ключ к разрешению этого противоречия лежит в области общей теории относительности: поскольку Вселенная является системой, находящейся в переменном гравитационном поле, закон возрастания энтропии к ней неприменим. Так как на сегодняшний день мы не имеем возможности доказать ни конечность, ни бесконечность вселенной, то есть открытый или закрытый характер данной системы, то проблема тепловой смерти Вселенной остается открытой. В этом макроскопическом плане для нас важен тот факт, что для Вселенной как системы энтропия является ее естественной функцией, приводящей ее к динамическому равновесию. Применение второго начала термодинамики для биологической сферы имеет свои особенности. Как справедливо отмечают А. И. Осипов и А. В. Уваров, «вопрос об отношении жизни ко второму началу термодинамики – это вопрос о том, является ли жизнь островком сопротивления второму началу» [3]. Так как жизнь есть движение от простого к сложному, а энтропия как проявление второго начала термодинамики, наоборот, показывает обратный вектор от сложного к простому, то деструкция как феномен есть проявление энтропии. Исследователи поясняют: «Живой организм как открытая термодинамическая система потребляет энтропии меньше, чем выбрасывает ее в окружающую среду. Величина энтропии в пищевых продуктах меньше, чем в продуктах выделения. Иными словами, живой организм существует за счет того, что имеет возможность выбросить энтропию, вырабатываемую в нем вследствие необратимых процессов, в окружающую среду». [3]. То есть и на этом уровне энтропия, происходящая в живом организме есть естественная его функция, Именно это обстоятельство дало право Э. Шредингеру сказать, что «организм питается отрицательной энтропией» [4]

Любой организм может избежать состояния максимальной энтропии (неупорядоченности), оставаться живым, только постоянно извлекая из окружающей среды отрицательную энтропию. Это понятие «отрицательная энтропия» ввел в научный оборот Эрвин Шредингер в книге «Что такое жизнь? С точки зрения физика» (1943). В ней он популярно объясняет, как живая система экспортирует энтропию, чтобы поддержать свою собственную энтропию на низком уровне. При помощи термина негэнтропия, он мог выразить свою идею кратко, живая система импортирует негэнтропию для самосохранения: «Живой организм непрерывно увеличивает свою энтропию, или, иначе, производ-

дит положительную энтропию и, таким образом, приближается к опасному состоянию максимальной энтропии, представляющему собой смерть. Он может избежать этого состояния, то есть оставаться живым, только постоянно извлекая из окружающей его среды отрицательную энтропию. Отрицательная энтропия – это то, чем организм питается. Или, чтобы выразить это менее парадоксально, существенно в метаболизме то, что организму удастся освободиться от всей той энтропии, которую он вынужден производить, пока жив» [4]. То есть, говоря проще, энтропия – это хаос, саморазрушение и саморазложение. Соответственно, негэнтропия – движение к упорядочиванию, к организации и структуризации системы. Поэтому по отношению к живым системам можно сделать вывод: для того, чтобы не погибнуть, живая система борется с окружающим хаосом путем организации и упорядочивания последнего, то есть импортируя негэнтропию. В современной науке предложены несколько терминологических вариантов понятия негэнтропия: синтропия, экстропия, эктропия, но сущности вопроса это не меняет.

Таким образом, как в закрытой, так и в открытой системах энтропия представляет собой естественный процесс деструктуризации, саморазрушения системы, этот естественный процесс деструкции подчиняет себе и биологическую систему, процесс старения, движение к смерти организма есть наглядный пример энтропии в живой среде.

Культурно-антропологический уровень рассмотрения феномена деструктивности так же имеет несколько аспектов: социальный, психологический, гносеологический, этический. В социальном плане процесс деструкции проявляется в том, что в истории человеческого общества происходят постоянные социальные катаклизмы: войны, революции, разрушение цивилизаций, исчезновение этносов. Объясняется это тем, что инновационная деятельность человека нацелена на выход за рамки существующего мира, и следовательно, на разрушение старых структур и условий, выражающих интересы господствующих, консервативных классов или социальных групп и слоев, что вызывает ответную реакцию со стороны этих социальных структур. Как справедливо указывает А.С. Ахиезер, философ и социолог, специалист по анализу закономерностей исторических процессов, «причиной этих процессов является второе начало термодинамики, энтропийный процесс, который охватывает все существующее, все формы движения, порождая дезорганизацию, рост хаоса, снижение уровня организованности» [5]. Что характерно, ученый отмечает и положительное начало социальной деструкции: «Само ухудшение ситуации в определенных границах может иметь и позитивные последствия. Рост хаоса стимулирует человека на борьбу с ним. Созидательная роль хаоса проявляется тем не менее непосредственно, но лишь если он становится сти-

мулом, элементом содержания самой человеческой деятельности» [5].

Совершенно справедливо при анализе социальных аспектов деструкции современный исследователь обратил внимание на этнологическую теорию Л. Н. Гумилева: «Гумилев объединил деструктивные явления и процессы в общее понятие «антисистема», выявил причины появления антисистем, их типологические черты и свойства, установил связи с нормами этики» [6]. Как показывает анализ, сама теория этногенеза, концепция возникновения этнических систем и антисистем так же опирается на общие принципы теории систем и второй закон термодинамики: антисистема развивается по принципам энтропии, упрощает свою внутреннюю организацию, затем погибает, положительная этническая система наоборот, усложняет, обогащает свою структурную организацию, основываясь на неэнтропии. Нужно подчеркнуть, что деструктивность антисистемы, по Гумилеву, противостоит естественной, ее угасание есть активное саморазрушение этноса, а не простое естественное угасание, причиной такой деструктивности является искаженная система ценностей. И в этом плане «деструктивность – чисто человеческая черта» [6:10].

На уровне индивидуального человеческого характера деструктивность изучается в сфере психологии. Согласно концепции инстинкта, развитой З. Фрейдом, К. Лоренцом, основным ее истоком являются инстинкты, детерминированные генетическим кодом, которые, по мнению Фрейда, имманентны человеческой природе, причем жажда агрессии, действующая вне сферы сознания, стремится к освобождению собственной энергии, отсюда акты уничтожения, грубости, жестокости.

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) З. Фрейд вводит понятие «влечение к смерти» и с тех пор оно постоянно присутствовало в его научном творчестве. Авторитетный «Словарь по психоанализу» Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса резюмирует размышления Фрейда на данную тему следующим образом: «Речь идет об основополагающем для каждого существа побуждении вернуться в неорганическое состояние. В многоклеточных организмах либидо сталкивается с господством влечения к смерти или разрушению, которое стремится расчленивать клеточный организм на отдельные части, приведя каждую из них в состояние покоя, присущего неживой материи. Задача либидо – обезоружить это разрушительное влечение, и оно выполняет ее, обращая большую часть этого влечения вовне, на объекты внешнего мира ... это влечение называется влечением к разрушению, влечением к овладению, волей к власти» [7: 94–95]. Как видим, и Фрейд в своей концепции двух влечений опирается на законы термодинамики, влечение к смерти есть психический аналог энтропии, влечение к жизни, либидо – неэнтропии, причем суще-

ственным представляется, во-первых, то, что влечение к смерти «направлено прежде всего внутрь, на саморазрушение, и лишь вторично проявляется в форме влечения к (внешней) агрессии, к разрушению» [7: 94–95], во-вторых, то что оба влечения развиваются одновременно, неразрывно, то есть влечения по Фрейду амбивалентны. Но среди ученых есть и другая точка зрения, согласно которой у человека нет инстинкта агрессии, ответственного за человеческую жестокость, по их мнению биологическое наследование человека только делает возможным обучение агрессивному поведению. Подобная точка зрения высказана американским социобиологом Эдвардом Уилсоном в работах «О человеческой природе» (1978), «Гены, разум, культура: теория гено-культурной коэволюции» (1981). Согласно Уилсону, истоки войн, вооруженных конфликтов, и разрушительной деятельности человека находятся в социальных и экономических противоречиях, в институциональных структурах, от природы человек не является ни добрым, ни злым, только в процессе обучения и социализации он становится благородным или жестоким, мягким или гневным.

По мнению известного философа и психолога Эриха Фромма, сторонники обеих концепций игнорируют роль личности в исполнении деструктивных действий. В фундаментальном исследовании «Анатомия человеческой деструктивности» (1973) он утверждает, что исходя из бессознательных инстинктов или внешних обстоятельств, обе точки зрения не учитывают самостоятельность индивида и его ориентацию на те или иные идеалы, то есть истинные причины деструктивной деятельности лежат в сфере интересов человека, выраженных в идеалах. Дифференцируя феномен деструктивности, Фромм предлагает различать «агрессию биологическую, адаптивную, способствующую поддержанию жизни, доброкачественную, от злокачественной агрессии, не связанной с сохранением жизни» [8: 163], он подчеркивает, что «только человек бывает деструктивным независимо от наличия угрозы самосохранению и вне связи с удовлетворением потребностей». В этих двух глобальных типах агрессии Фромм выделяет разновидности, в доброкачественном типе агрессии такие варианты как псевдоагрессия (непреднамеренная агрессия, игровая агрессия, агрессия самоутверждения) и оборонительная агрессия, в злокачественной агрессии спонтанные формы (месть, экстагическая деструкция) и формы, связанные со структурой характера – садизм и некрофилия. Таким образом, злокачественная агрессия как структура характера проявляется как человеческая страсть к абсолютному господству над другим живым существом и влечение человека к мертвой материи, жажда разрушения ради разрушения, страстное желание превращать живое в неживое, насильственно прерывая живые связи, а так же исключительный интерес ко всему

чисто механическому [8: 285]. Отличительная особенность некрофильского характера – убежденность в том, что насилие – самый подходящий случай для разрешения абсолютного большинства проблем и конфликтов.

Современные общественные системы, по мнению Э. Фромма, деструктивны. Он считает, что человечество соскользнуло с оптимального пути развития в IV–III тысячелетии до н.э., когда развитие средств производства позволило сделать «открытие», что человека можно использовать в хозяйстве как орудие труда (его можно обратить в раба и эксплуатировать). Прогресс привел к развитию вредных для жизни черт характера.

Проблемы социальной деструкции ставились и представителями Франкфуртской школы, в частности Марком Хоркмайером и Теодором Адорно в их совместной книге «Диалектика просвещения» (1969). Сосредоточившись на анализе скрытых, неосознаваемых предпосылок общественного сознания Нового времени, ученые пришли к выводу об имманентной деструктивности рассудочности, лежащего в основе просветительской идеологии. По их мнению, борясь с деструкцией естественно-природного начала в человеке, просветители не освободили человека от темного деструктивного начала, а лишь загнали его в общественное бессознательное: «Первобытные формы поведения, на которые наложила табу цивилизация, будучи трансформированными в деструктивные под стигмой зверства, продолжали вести подспудное существование» [9: 119].

Причина человеческой деструктивности, по мнению ученых, кроется в самой природе человека: «...со времен своего возникновения биологический вид «человек» всегда демонстрировал себя всем остальным в качестве эволюционно самого развитого и потому как самую страшную разрушительную силу...» [9: 236]. Источником этой новой деструктивности является рационально-рассудочное познание, понимаемое как форма господства над природой, а «практическая тенденция к самоуничтожению присуща рациональности с самого начала» [9: 15]. Подтверждение данному тезису Хоркхаймер и Адорно находят в философии Ф. Бэкона: «Знание, являющееся силой, не знает никаких преград, ни в порабощении творения, ни в услужливости по отношению к хозяевам мира» [9: 18], «техника есть сущность этого знания. Оно имеет своей целью не понятия и образы, не радость познания, но метод, использование труда других, капитал» [9: 119].

Важнейшую роль в развитии деструктивного начала рациональности, в концепции социальной деструктивности Хоркхаймера и Адорно придается языку. Язык как одна из форм социального взаимодействия реализует деструктивную функцию насилия по отношению к другому и аннигиляцию по отношению к себе.

Термин «деструктивность» по отношению к явлениям языка впервые был употреблен Ю.В. Фоменко [10: 54], который заимствовал это понятие из естественных и философских наук. В научной литературе существуют разногласия в понимании концепта «деструктивность», и поэтому данный термин употребляется не всегда однозначно.

Сведения, извлеченные из словарных дефиниций, посвященных деструкции, дают основание выделить следующие существенные признаки деструкции:

1) разрушение, изменение, деформация каких-либо объектов и, как результат деструкции, уничтожение;

2) любое изменение структуры чего-либо под воздействием различных сил (механических, физических, и т.п.) и невозможность выполнения объектом ранее присущих ему функций;

3) саморазрушение объекта вследствие каких-либо причин (воздействия температуры, химических элементов, микробиологических объектов, природных явлений, амортизации и т.д.).

Полнота описания системного аспекта деструктивной лексики и фразеологии определяется двумя условиями: 1) шириной охвата языковых единиц, включаемых в ее состав; 2) спецификой принципов и методов анализа данного множества.

С точки зрения когнитивного содержания значение деструкции включает общеизвестные для данного говорящего коллектива типы знаний, представляющие собой «некоторое усреднение индивидуальных компетенций говорящих» [11].

Лексические средства выражения концепта «деструктивность» представлены в языке словами разных частей речи: глаголами, прилагательными, существительными, наречиями. Это дает основание объединить их в межчастеречное семантическое поле [6].

Межчастеречное поле, центрированное деструктивными глаголами, семантически интерпретируется как предикатно-актантное поле, включающее в свой состав: а) глагольные и субстантивные наименования ситуаций (*разрывать, разделять, расстреливать; косьба, молотьба, гниение*); б) наименования участников (актантов) ситуаций (*рубщик, боевик, взрывник, убийца*); в) наименования мест, предназначенных для осуществления деструктивной ситуации (локативов) (*бойня, мельница, ворсовальня, дробилка*); г) наименование инструментальных актантов (*топор, пила, мина, бомба*); д) наименования признаков отдельных элементов и участников данной ситуации (*разрушительный, вкрутую, смертельный, взрыв*). Каждая частеречная область в составе поля имеет общие и отличительные признаки и может быть объектом самостоятельного исследования.

Деструктивную лексику принято рассматривать как межчастеречное семантическое поле с ярко выраженной иерархией классов и подклассов единиц, включающих в свой состав общеупотребительные

тельные слова и терминологическую лексику. Глаголы, существительные, прилагательные, наречия деструктивной семантики являются частью обширного семантического поля деструктивности, и их значения организуются ядерной семой 'деструкция' (обозначающей разрушение в самом широком смысле), которая является семантически наиболее емкой и наименее специализированной. Она в наиболее общем виде отражает семантическую идею разрушения (*ломать, рушить, дробить, разделять, отделять* и др.). В ней нет конкретного указания на то, каким именно способом и орудием совершается действие. Со значениями исследуемой группы ее значение соотносится как родовое с видовыми. Остальные лексемы уточняют, конкретизируют, сужают значение разрушения, выраженное в самой общей форме лексемой *деструкция, которая* называет процесс, которому может быть подвержен любой объект окружающей действительности.

Таким образом, семантическое поле деструктивности включает в себя деструктивные глаголы, объединенные значениями разрушения, разделения, повреждения и др.; имена существительные деструктивной семантики, также образующие обширные лексико-семантические группы, объединенные общностью значений, имена прилагательные и наречия деструктивной семантики, деструктивные фразеологические единицы, а также терминологическую лексику со значением деструкции.

Специализированным лексическим способом представления концепта «деструктивность» в языке является прежде всего глагол, т.к. любая деструкция – это процессуальный (в широком смысле это-

го слова) признак предметов и явлений [12: 361], имеющий временную протяженность.

С лингвистической точки зрения целесообразен анализ наименований лишь тех деструктивов, которые интерпретируются как таковые в «обыденном» (языковом) сознании.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, грант № 14.В37.21.1000.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная энциклопедия (Электронный ресурс) // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/47258>
2. Доброборский Б. С. Термодинамика биологических систем (Электронный ресурс) // <http://interlibrary.narod.ru/GenCat/GenCat.Scient.Dep/GenCatBiology/201200038/20120003803/20120003803.htm>
3. Осипов А. И., Уваров А. В. Энтропия и ее роль в науке (Электронный ресурс) // http://window.edu.ru/window/catalog?p_rid=21215
4. Шредингер Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика. М., 1972. С. 243.
5. Модернизация в России и конфликт ценностей. М. 1994. 250 с.
6. Фаткуллина Ф. Г. Понятие деструкции в лексической семантике. Уфа: РИО БашГУ, 2002. 268 с.
7. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. 689 с.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ:АСТ МОСКВА, 2009. 635с.
9. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., 1997. 419 с.
10. Фоменко Ю. В. Класс глаголов удара в русском языке // Вопросы теории русского языка. Новосибирск, 1975. Вып. 119. С. 23–26.
11. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Научное издание / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 58–65.
12. Гак В. Г. Номинация действия // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 77–84.
- 13.

Поступила в редакцию 26.02.2013 г.